

В 2011 г. исполнилось ровно 150 лет с того времени, когда выход в свет двух сборников былин «Песни, собранные П. Киреевским» (Т. 1–2) и «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым» (Т. 1) вызвал мощную волну интереса к былинному эпосу, который, в свою очередь, положил начало регулярному собиранию образцов былинного творчества, а также не иссякающему до сих пор потоку исследовательской литературы. Не подлежит сомнению органическая связь былинной традиции с культурным и духовным миром Древней Руси. И всё же, несмотря на всестороннее, казалось бы, изучение записей былин, место былинного эпоса в древнерусском историческом наследии до сих пор ещё окончательно не определено. Не может считаться удовлетворительно решённым и вопрос о сущности былин и природе их возникновения.

Практически ни у кого не вызывает сомнения восхождение истоков основного корпуса былин к периоду расцвета Киевской Руси, как и то, что в былинных текстах нашли отражение политические, культурные и социально-бытовые реалии того времени¹. Но содержится ли в былинах художественно переосмысленная информация о действительных

¹С этим соглашались, в частности, как те авторы, которые настаивали на кардинальной переработке былин в позднесредневековое время (Халанский М. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885; Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. М.; Саратов, 1924), так и те, кто относил создание былинного эпоса в целом ко времени, гораздо более широкому, чем эпоха Киевской и Новгородской Руси (Пропш В. Я. Русский героический эпос. М., 1955 (Изд. 2-е: М., 1958)).

событиях и реальных исторических личностях, как считает часть исследователей², или же упомянутые реалии служат лишь нешироким декоративным обрамлением, за которым кроются сугубо вымышленные сюжеты и персонажи?

По-видимому, следует согласиться с мнением, согласно которому былинные тексты в большей мере воспроизводят идеологические ориентиры и мировоззренческие нормы средневековой Руси, чем передают последовательную и достоверную информацию о событийной истории³. Но опять же неясно, насколько воссоздаваемые в былинных текстах духовные ориентиры и поведенческие правила адекватны эпохе раннего Средневековья. Быть может, мы имеем дело лишь с разрозненными обрывками идеологем и представлений, навсегда утраченных и более или менее случайно собранных и «спаянных» в некоторое подобие целостности исполнителями былин и песен в сравнительно недавнее время⁴. Наряду с исторически реальными указаниями и художественным вымыслом былины содержат несомненный мифологический элемент: мотивы драконоборства, оборотничества, упоминания о великанах, волшебниках, чудовищах. Остаётся, однако, не вполне ясным: отображают ли все эти мотивы и упоминания мифологические представления славян (и Руси), или же их следует считать заимствованными литературными элементами⁵ и относить на счёт сугубо художественных приемов, вводимых в сюжет повествования с целью произвести большее впечатление на слушателя.

Мы упомянули лишь некоторые из того круга вопросов, без решения которых невозможно говорить о понимании истоков и сущности

²Основные обобщающие труды по этому вопросу: Миллер В. Ф. Очерки истории русской народной словесности. М., 1897. Т. I; М., 1910. Т. II; М., 1924. Т. III; Плисецкий М. М. Историзм русских былин. М., 1962; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 44–152; Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. Л., 1982.

³Это не исключает как наличия событийного факта в основе былины, так и вероятности его выявления: Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. С. 26–42.

⁴Ср.: Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 26 – о вероятности наслоения различных идеологий в ходе развития во времени одного и того же сюжета.

⁵Еще более ста лет назад исследователями отмечались многочисленные параллели между былинами и эпосами других народов, до сих пор не получившие объяснения: Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869; Миллер В. Ф. Экскурсы в историю былинного эпоса. М., 1895; Потанин Е. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899; Жданов И. Н. Повесть о королевиче Валтасаре и былины о Самсоне-Святогоре // ЖМНП. 1901. Май. С. 1–24; Халанский М. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // ЖМНП. 1903. Ноябрь. С. 15–17.

былинного эпоса, однако исчерпывающие обоснованные ответы на которые пока не найдено. К сожалению, в последние несколько десятилетий интерес к данной проблематике, несомненно, важной в контексте задач комплексного изучения наследия Древней Руси, заметно угас. Исследователи фольклора заняты разработкой вопросов, не связанных напрямую с выяснением степени историзма былин, историки же считают былины объектом, лежащим вне сферы их изучения, хотя ещё сравнительно недавно противоположного мнения придерживались такие выдающиеся историки-русисты, как Б. Д. Греков, Д. С. Лихачёв⁶, Б. А. Рыбаков и другие.

Возможно, заметное ослабление интереса к былинам, исторической интерпретации их сюжетов следует объяснять убежденностью, что былинные тексты, буквально каждое слово в которых отдельно учтено и проанализировано⁷, едва ли могут дать исторической науке что-то, кроме того, что уже получено, а уровень научного осмысления былинного наследия, достигнутый в обобщающих трудах В. Я. Проппа, Б. А. Рыбакова, А. М. Астаховой⁸, В. П. Аникина⁹, С. Н. Азбелева¹⁰, вряд ли может быть превзойдён.

Предлагаемым здесь анализом былины «Илья Муромец и Святогор» хотелось бы убедить читателя в том, что перспективы исторической интерпретации былинных сюжетов и образов далеко не исчерпаны и могут привести к весьма интересным и неожиданным результатам.

Былина «Илья и Святогор» сравнительно нечасто становилась объектом исследовательского анализа, и, как нетрудно убедиться, сюжет её почти всегда ставил былинovedов в тупик. Во всяком случае, убедительного объяснения смысла былины не было предложено¹¹. Былина зафиксирована более чем в 50 записях на всём пространстве распространения (в XIX–XX в.) живого эпоса, встречаясь как в виде отдельного сюжета, так и в составе сводных былинных текстов об Илье Муромце¹². К это-

⁶Лихачев Д. С. Народное поэтическое творчество времен расцвета древнерусского раннефеодального государства (X–XI вв.) // Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. С. 178–208.

⁷Ср., в частности: Былины в 25 томах / Под ред. А. А. Горелова. Т. I–V. СПб.; М., 2001–2005.

⁸Астахова А. М. Былины: итоги и проблемы их изучения. М., 1966.

⁹Аникин В. П. Русский богатырский эпос. М., 1964.

¹⁰Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора.

¹¹Ср.: Астафьева Л. А. Сюжет и стиль русских былин. М., 1993. С. 117.

¹²Перечень вариантов и библиография записей: Азбелев С. Н. Историзм былин и специфика фольклора. С. 278–281.

му следует прибавить ещё около 20 сказок на мотивы былин, близких к прозаическим пересказам, записанных, в том числе, и от неславянских народов (финнов, латышей, коми, якутов), где встречается мотив, лежащий в основе былины¹³.

При всём том, что совокупность записей распадается на немалое число довольно существенно различающихся вариантов и групп, основа сюжета на удивление устойчива и без труда восстанавливается при учёте даже самых специфических разновидностей.

Богатырь Илья Муромец, пребывая в некоторых географически неопределённых краях, встречает богатыря-великана Святогора. Илья либо случайно пересекается с ним, когда тот движется по направлению к Святым горам, либо сам прибывает на Святые горы, где таинственный великан только и может находиться, поскольку, согласно указаниям былины, «не носила его мать сыра земля» (Гильф. № 1). Нередко знакомство начинается с того, что Илья наносит спящему в седле Святогору несколько ударов, но тот не реагирует на них и даже не просыпается. При этом Святогор, незаметно для себя, хватает Илью и бросает в карман (за пазуху). По прибытии на Святые горы великан просыпается и замечает Илью. Богатыри решают побрататься (меняются крестиками) и далее вместе путешествуют по горам. Некоторые варианты упоминают о передаче Святогором Илье своих знаний и богатырских навыков. Вскоре побратимы замечают стоящий среди гор раскрытый гроб (вар.: мастеров, которые изготавливают гроб) и решают его примерить. Илье гроб оказывается непомерно велик, но Святогору как раз впору; ему так удобно в гробу, что он просит Илью накрыть его крышкой (или же крышка наваливается сама собой). Снять крышку и освободить Святогора, однако, не удаётся. Попытки Ильи Муромца разбить крышку приводят к тому, что на неё насакаивают железные (медные) обручи, которые окончательно запирают Святогора. Последний понимает,

¹³Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860. Вып. 1. Прил. С. XXX, XXXIV; Веселовский А. Мелкие заметки к былинам. XIV // ЖМНП. Март, 1890. С. 9–13; Миллер В. Ф. Очерки истории русской народной словесности. Т. I. С. 372–381; Астахова А. М. Сказки о богатырях былинного эпоса // Русский фольклор (далее – РФ). 1961. Вып. VI. С. 161–167; Сидельников В. Былины Сибири. Томск, 1968. № 39, 40, 62, 85, 100, 118, 119.

что его судьба — умереть в этом гробу. Он завещает Илье свой меч, а также предлагает воспринять часть его огромной силы через посредство последнего издыхания или же пены (пота), которая будет выходить из него в момент умирания. Иногда Илья впитывает в себя эту силу, иногда же отказывается от неё, понимая, что сила умирающего великана может оказаться для него губительной.

На этом сюжете, в общем-то, заканчивается, если не считать разнообразных прибавок к финалу, большая часть из которых явно придана сказителями «от себя». Нередко сюжет бывает осложнён появлением дополнительных действующих лиц. В ряде вариантов рассказывается о визите богатырей к слепому отцу Святогора, который, как правило, живёт неподалеку, т. е., по-видимому, здесь же на Святых горах, и отличается нечеловеческой силой. Старец пожимает протянутое Ильей раскаленное железо (булаву, меч), полагая, что жмёт руку Ильи. В шести записях присутствует мотив с женой Святогора, которую великан возит с собой в ларце или кармане, но женщина находит возможность изменить своему мужу с Ильёй. Святогор наказывает жену смертью, но на дружеском расположении его к Илье это обстоятельство не сказывается.

Как видим, по характеру сюжета былина не может быть отнесена ни к разряду героических, воспевающих победы и борьбу с врагом, ни к разряду былин-новелл, где речь идёт о сватовстве, любовных интригах (небольшое количество вариантов с женой Святогора и эпизодичность самой темы не позволяют считать, что этот мотив был когда-то основным или первичным). Былина не несёт в себе явного поучительно-моралистического содержания, почти ничего существенного не прибавляет она к героической биографии Ильи Муромца и как будто ничего не объясняет в ней. Место действия (в отличие от подавляющего большинства былинных сюжетов) совершенно неопределённо — все попытки идентифицировать Святые горы былины с какими-либо реальными географическими объектами не имели успеха.

Не менее чем сюжет былины, загадочен и образ богатыря-великана. На ранних этапах изучения былинного эпоса Святогора обычно считали воплощением некой природной стихии, персонифицированным

символом её силы и могущества¹⁴. При подобном подходе остаётся, однако, совершенно непонятным, какую именно стихию может воплощать Святогор, в чём проявляет себя его сила, почему «богатырь-стихия» не может появляться «на Святой Руси», почему его не носит земля и почему, в конечном счёте, он неизбежно умирает в обычном дубовом гробу. Робкая попытка увидеть в Святогоре воскресающее языческое божество, по аналогии с тем, что запечатанным в гробу умирает также египетский Озирис¹⁵, не имела успеха, так как никакого намёка на воскрешение Святогора былины не содержат и не наделяют богатыря-великана какими-либо признаками божества¹⁶.

Более устойчивым оказалось тоже очень рано высказанное мнение, согласно которому Святогор является «старшим богатырём», т. е. героем эпической традиции, более древней, чем киево-русская, имеющей ярко выраженную мифологическую основу, от которой в историческое время сохранились лишь незначительные остатки и реминисценции. Подобная трактовка, весьма распространённая в изданиях былин, справочниках и антологиях¹⁷, как будто должна объяснить отрывочный характер былинных сведений о нечеловечески могучем богатыре и странную непонятность единственного развёрнутого сюжета о нём. Следует полагать, что уже в древнерусское время не вполне осознавали смысл предания о Святогоре, но всё же с удивительной настойчивостью продолжали передавать рассказ о нём на протяжении многих столетий.

Против мнения о «старшинстве» Святогора, т. е. о некоей особой («мифологической») древности предания о нём, убедительно выступил В. Г. Смолицкий¹⁸. Он подчёркивает тот хорошо известный факт,

¹⁴ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860. Т. I. Прил. С. XXXI; Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. С. 170–171, 185–187.

¹⁵ Ср.: Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 85 и сл.

¹⁶ Мало что объясняет в образе богатыря-великана краткая былина-притча о сумочке с земной тягой, героем которой чаще всего выступает также Святогор (ср. ниже). Обзор вариантов и литературы см. Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 78–83.

¹⁷ См., в частности: Иванов В. В., Топоров В. Н. Святогор // Мифы народов мира. М., 1988. Т. II. С. 421; Балашов Д. М. Русский былинный эпос (I) // Былины в 25 томах / Под ред. А. А. Горелова. Т. I. С. 40–41. Д. М. Балашов сопровождает свое мнение совершенно неприемлемыми историческими построениями, из которых следует, будто в Святогоре воплотился образ праславянского эпического героя, передающего свою силу и опыт древнерусскому эпическому герою (Илье). Ср. также: Балашов Д. М. Из истории былинного эпоса. Святогор // РФ. 1981. Вып. XX. С. 10–21.

¹⁸ Смолицкий В. Г. Былина о Святогоре // Славянский фольклор. М., 1972. С. 71–81.

что нет других былин, где бы описывались качества Святогора, кроме былины о встрече с ним Ильи. Ознакомление со Святогором происходит как бы через посредство Ильи Муромца, через сравнение с его силой, его размерами, его нравом, его происхождением и статусом, т. е. с качествами, известными из других былин. Будь образ Святогора более древним, чем образ Ильи, мы наверняка имели бы обратное соотношение и, скорее всего, имели бы отголоски представлений и преданий о нём в других былинах. Следовательно, не «старший» богатырь Святогор, а «младший». Возникновению этого образа обязательно должна была предшествовать слава образа «его крестового брата Ильи Муромца»¹⁹.

Действительно: если сохранилось предание, описывающее во многих подробностях обстоятельства смерти знаменитого и как будто древнего персонажа, то почему ни это предание, ни какие-либо другие не сохранили хотя бы самых общих сведений о прежних заслугах и подвигах этого выдающегося богатыря? Избирательность эпической памяти в этом случае выглядит более чем странной. Учитывая, что сюжет о смерти Святогора засвидетельствован довольно неплохо, трудно согласиться с тем, что это лишь обрывок какой-то более пространной былины или целого цикла, полностью забытого и не оставившего следов даже в кратких пересказах или припоминаниях²⁰. Былина о смерти Святогора, начинающаяся, как справедливо указал В. Г. Смолицкий, с узнавания (представления слушателю) персонажа по имени Святогор, выглядит не отрывком из большого неизвестного целого, а законченным произведением.

Впрочем, независимо от того, насколько древним является образ Святогора, в частности, моложе он или старше образа былинного

¹⁹ Там же. С. 81.

²⁰ Известны два отдельно стоящих сюжета, в которых дается как бы краткая предыстория Святогора (Рыбн. № 52. Прим.; Григ. № 350). Однако первый, рассказывающий о женитьбе богатыря, явно присоединяет к имени Святогора бродячий сказочный мотив (ср: Грушевський М. Історія української літератури. К., 1994. Т. IV. Кн. 1. С. 197–199). Второй делает Святогора воеводой черниговского князя «Олеговича» — здесь, несомненно, проявилась книжная начитанность сказителя.

Муромца, мотив внезапной смерти его в роковом гробу остаётся одинаково непонятным²¹.

Непонятной выглядит и ситуация с «этнической», если можно так сказать, соотносённостью Святогора. «Предивный богатырь» как будто противопоставлен Руси (понимаемой в былинах не просто как страна, но и как средоточие мирового добра и правды). «Не ездил он по Святой Руси», — констатирует былина (Гильф. № 1). Когда Илья при встрече ударяет Святогора, тот произносит: «Ох, больно руськи мухи кусаются» (БПК. № 4). Однако факт того, что Илья легко вступает в приятельские отношения со Святогором, становится его побратимом и даже (в некоторых вариантах) обменивается с ним крестами, указывает на то, что Святогор мыслился скорее «своим» и положительным персонажем, чем чужим, «злым» и потенциально враждебным (отметим, что былинные русские богатыри, как правило, не приятельствуют с нерусскими).

Невозможность Святогора существовать вне его родных Святых гор былина объясняет непомерной мощью богатыря. Святогор, следовательно, не только чужеземец, но и существо, качественно не сопоставимое с обычными людьми. Но тогда ещё более непонятной выглядит дружба Святогора с Ильёй, вызывает недоумение наличие у него меча, коня, креста.

Учитывая очевидное своеобразие Святогора, в частности то обстоятельство, что он является, по существу, единственным великаном во всей былинной традиции, многие исследователи приходили к выво-

²¹ В. Г. Смолицкий (Былина о Святогоре. С. 81) считал, что в основе идеи былины лежит «мысль о неотвратимости судьбы». Но это определение может быть приложено вообще к любому сюжету, при этом ничего не объясняя по существу. В. Я. Пропп (Русский героический эпос. С. 86) объяснял обстоятельства смерти Святогора символическим обозначением смены эпох. Но едва ли творцы былинных песен могли подниматься до такого уровня художественного обобщения исторического процесса. И какую, собственно, эпоху должен был символизировать «неуклюжий» Святогор? Еще более неудачно эвгемеристичное объяснение Б. А. Рыбакова (Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. С. 134), неоправданно игнорирующего целый ряд мифологических коннотаций в былине.

²² Халанский М. Великорусские былины киевского цикла. С. 184–185; Топоров В. Н. Русский «Святогор»: свое и чужое // Славянское и балканское языкознание. М., 1983. С. 114.

²³ Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. С. 170 и далее; Смолицкий В. Г. Былина о Святогоре. С. 78–80.

²⁴ Дринов М. Сказание о Святогоре и земной тяге в южнославянской народной словесности // Сочинения М. С. Дринова. София, 1911. Т. II. С. 460–473; Смолицкий В. Г. Былина о Святогоре. С. 79–80.

²⁵ Шамбинаго С. К. Старины о Святогоре и поэмы о Калевипоэте // ЖМНП. 1902. Январь. С. 49–73.

²⁶ Смолицкий В. Г. Былина о Святогоре. С. 78.

ду о заимствованном характере этого образа и сравнительно позднем включении его в состав былинного эпоса. Были предложены параллели, обнаруживаемые в северокавказских²², скандинавских²³, южнославянских²⁴, эстонских²⁵, грузинских²⁶ эпических сказаниях. Однако во всех этих случаях речь идёт лишь об отдельных чертах сходства (всюду великаны уподобляются горам, наделены непомерной силой, нередко владеют чудесным оружием, могут появляться верхом на коне), но явное сюжетное сходство, в частности мотив смерти во внезапно закрывшемся гробу, во всех предлагаемых случаях отсутствует.

В упомянутой статье В. Г. Смолицкий пытается объяснить смысл былин о Святогоре наказанием последнего за похвальбу: сколь бы ни был силен и могуч человек, ему не следует похваляться силой, будто бы хочет сказать былина²⁷. Для обоснования своего мнения В. Г. Смолицкий обращается к былине-притче о «земной тяге». Её герой, могучий богатырь, чувствует в себе силу, делающую его способным на любые свершения. Ему встречается старец (иногда мужик Микула) с сумочкой и предлагает богатырю поднять эту сумочку с земли. Богатырь (часто в этой роли выступает Святогор) пытается поднять сумочку, но тщетно — от непомерных усилий он сам погружается в землю и (в части вариантов) умирает, вконец обесиленный.

Данный мотив обнаруживает многочисленные международные параллели, которые как будто позволяют объяснить отдельные неясности в образе Святогора. Однако в целом объяснение несколько не отвечает поставленной задаче, так как в гораздо более распространённой былине о встрече с Муромцем Святогор практически никогда не хвастает, а нередко, наоборот, тяготится своей непомерной мощью. Его смерть в гробу не связана с наказанием за какие-либо грехи, нарушением заповеди, она как бы совершенно случайна, но и в то же время предопределена (иногда на стенке гроба видим надпись: «кому суждено, тот и ляжет»²⁸). В сюжете о сумочке с «тягой» в той же роли, что и Свято-

²⁷ Там же. С. 75–80.

²⁸ Здесь, очевидно, сказалось библейское влияние. Однако ни его наличие, ни сближение Самсона со Святогором в некоторых записях былин не даёт оснований видеть в сюжете былины переосмысление библейских сказаний (ср.: Грушевський М. Історія української літератури. С. 195–198; Шамбинаго С. К. Старини о Святогоре и поэмы о Калеви-поэте. С. 50–56).

гор, нередко выступают другие персонажи: Самсон, Кольван, Аника, Вольга, Илья Муромец, в связи с чем давно уже высказывалось мнение, что связь данной былины-притчи с именем Святогора не первична²⁹. В последнем убеждает и то, что обстоятельства смерти Святогора в обоих сюжетах взаимоисключающи, но, в отличие от притчи про сумочку, в роковом гробу всегда умирает именно Святогор³⁰.

Несколько более показательное сходство былины с осетинским сказанием о великане Муккаре, отмеченное впервые М. Халанским³¹. Нартский герой Созырко встречает во время дальнего похода злого великана Муккару, который назван также «князем скал». Заносчивый Муккара предлагает нарту померяться с ним силами. Созырко понимает, что его шанс спастись в том, чтобы погубить Муккару, но, как он ни исхитряется, великан всякий раз побеждает в состязании. Наконец, Созырко предлагает наивному Муккаре лечь на дно моря и дожидаться, пока оно покроется льдом. Тщетно Муккара пытается избавиться от ледяных оков. В некоторых вариантах сказания, поняв, что настал его смертный час, великан дышит мёртвым духом на Созырко, но тот остаётся невредим. В дальнейшем Созырко завладевает кинжалом великана и женится на его жене, чем особенно усиливается сходство с былиной, где Илья совершает прелюбодеяние с женой Святогора, а тот, умирая, завещает Илье свой меч.

Сходство, впрочем, остаётся сугубо внешним: Святогор, как уже сказано, не несёт в себе никакого злого, враждебного начала, нет и намёка на противоборство или соперничество между ним и Муромцем, Илья не стремится погубить Святогора, наоборот, искренне старается его спасти. Свой меч Святогор завещает по доброй воле, его женой Илья овладевает, покоряясь её же прихоти, помимо своего желания.

Заимствование (во всяком случае, прямое) осетинского (иранского?) сюжета русскими или славянами едва ли вероятно³².

²⁹Шамбинаго С. К. Старины о Святогоре и поэмы о Калеви-поэге. С. 53–54.

³⁰Впрочем, в нескольких записях при тех же обстоятельствах в гробу оказывается заточенным и умирает Илья Муромец, о чем подробнее речь пойдет ниже.

³¹Халанский М. Великорусские былины киевского цикла. С. 184–186.

³²Ср.: Халанский М. Великорусские былины киевского цикла. С. 186. Еще менее убедительна попытка В. Н. Топорова (Русский «Святогор»: свое и чужое) включить этот сюжет в контекст доисторических эпических связей и показать индоевропейский уровень истоков образа Святогора.

В этом случае пришлось бы предположить, что славяне по какой-то непонятной причине исключили из сказания всякий героический элемент, всю остроту коллизии, превратив занятную повесть о ловком и находчивом победителе злого великана в ничего не выражающий рассказ о встрече и братании двух персонажей, заканчивающийся ничем не мотивированной смертью одного из них. Если отмеченные сходства — не игра случая, представляется вероятным, что мы имеем дело с результатом каких-то взаимовлияний и наслоений различных эпических традиций, которые первоначально могли быть совершенно независимы.

Показательно, что «горный великан» Святогор во всех без исключения случаях умирает именно в гробу (гробнице, домовине) с крышкой. Последнее как бы возвращает нас из мифологически-космических сфер во вполне земную, почти реалистическую. Справедливо отмечая обязательность появления во всех вариантах былины огромной гробницы, в которую неизбежно ложится уже обречённый Святогор, исследователи, тем не менее, сосредотачивали основное внимание на других обстоятельствах, более или менее случайных и для данной былины необязательных.

Гробница Святогора изображается во многих вариантах былины, её описание хотя и скупо, но достаточно внятно. Обычно гробница бывает деревянной («домовище белодубово»), лишь изредка и в хуже сохранившихся вариантах гроб оказывается каменным. Размеры усыпальницы, как и следует ожидать, велики, но, согласно подавляющему большинству вариантов, отнюдь не космичны — они выражаются через размеры Ильи, который, как помним, первым укладывается примерять гробницу. «Для него домовище и широко, и велико» (Рыбн. № 52), «Лёг Илья да в половину гроба» (БП. № 4), «Лёг Илья, только в одном уголку лежит» (БП. № 8), «...лёжит как маленькой ребёнокот» (Марков. № 61). Гроб имеет также значительную глубину (Гильф. № 1). Происхождение таинственной гробницы вовсе не загадочно: многие варианты упоминают, что её «строят» некие люди (Григ. III. № 50; Онч. № 61; Аст. № 25), причём происходит это, судя по всему, на месте предстоящего упокоения Святогора, поскольку о последующем перемещении

гроба с покойным речи нет. Наконец, гробница перекрывается деревянной же (дубовой, сосновой) крышкой или досками, которые скрепляются железными или медными полосами (обручами, укрепами).

Такое описание гробницы, в сочетании с очевидным «богатырским» (воинским) статусом погребаемого в ней персонажа, наводит на мысль: не отразился ли в былине обряд погребения в так называемых камерных гробницах, распространённый на Руси в X в.?

О том, что былинному эпосу такой обряд был известен, свидетельствует былина «Михайло Потык»³³, герой которой опускается в просторную «белодубовую» гробницу вместе с умершей женой, запасами воды, пищи, оружием и в части записей (Данилов. № 23) с конём. Михайло Потык захватывает с собою кузнечные клещи для борьбы с подземной змеей и освещает свою подземную усыпальницу пылающими свечами (Григ. III. № 70). Описанный былиной обряд хорошо известен археологически³⁴. Помимо всего прочего, в ряде камерных погребений выявлены остатки свечей, горевших в момент перекрывания гробницы³⁵, известны и миниатюрные клещи, вероятно, изготовленные специально для погребального обряда³⁶.

Обряд телоположения в камерных гробницах существовал на Руси примерно между первыми десятилетиями X в. и временем принятия христианства³⁷. Многочисленные захоронения в камерах выявлены на могильниках в районах Киева, Чернигова, Ладоги, Смоленска (Гнёздово) и Ростова (Тимирево). Обряд был присущ, несомненно, знатной прослойке. Преимущественно это воинские погребения со сравни-

³³Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. С. 48–49.

³⁴Подробнее см.: Конча С. Былины і археологія (поховальний обряд X століття) // Магістеріум. К., 2007. Вип. 27: Археологічні студії. С. 84–85.

³⁵Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Три погребальные камеры из Гнёздова // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 199–202, 204.

³⁶Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. К., 1977. С. 129; Моця А. П. Срубные гробницы Южной Руси // Проблемы археологии Южной Руси. К., 1990. С. 106.

³⁷Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 166–231; Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. С. 128–141, 174–177; Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Три погребальные камеры из Гнёздова. С. 190–205; Моця А. П. Срубные гробницы Южной Руси. С. 99–107.

³⁸Новосельцев А. П. Восточные источники о славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 398, 400.

³⁹Graöslund Anna-Sofie, Birka IV. The Burial Customs. A study of the graves on Vjörkq. Stockholm, 1980. P. 41–42; Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 252 и выше.

⁴⁰Бліфельд Д. И. К исторической оценке дружинных погребений в срубных гробницах Среднего Поднепровья // Советская археология. XX. 1954. С. 156; Бліфельд Д. І. Давньоруський могильник в Чернігові // Археологія. К., 1965. Т. XVIII. С. 129–131, 134–135; Моця А. П. Срубные гробницы Южной Руси. С. 106.

тельно богатым набором инвентаря: оружием, снаряжением, украшениями, предметами обихода, с погребальной пищей, вёдрами, ларцами. Известны и погребения с незначительным инвентарём. Нередки захоронения воина с конём, хорошо известны также парные погребения — воин и женщина, что находит соответствия в рассказах арабских авторов X в. о захоронениях русов в напоминающих дом гробницах вместе с живой женой³⁸.

Размеры гробниц колеблются примерно от 2 × 1 × 0,5 м до 5,5 × 5 × 4 м. Они, следовательно, вполне сопоставимы с приведёнными выше былинными указаниями на соотношение размеров «Святогорова гроба» и обычного человека, каковым здесь выступает Илья Муромец, лежащий «как ребёнок» в одном лишь «уголку» гробницы.

Сходство между погребением Святогора и воинскими захоронениями языческой Руси не ограничивается описанием «великого гроба». В ряде вариантов былины Святогор просит Илью оставить умирать вместе с ним его богатырского коня.

«А коня моего богатырского привяжи к моему гробу...»
(Рыбн. № 52)

— Привежи ты моево коня ко гробу ту, Потому что не совладеть да некому будет...

(Марков. № 61)

— К моему гробу великому,
Как привяжи добра коня-то ведь,
Привяжи его плотно-наплотно,
Чтоб тут подохнул ведь и добрый конь...

(Соколов. № 1)

Как уже упоминалось, погребения в камерных гробницах с конём хорошо известны. То обстоятельство, что обречённый на смерть с хозяином конь Святогора, в отличие от коня Потыка (в варианте Кирши Данилова), оказывается не внутри гробницы, а вне её, тоже имеет археологические аналогии. Размещение коней вне камеры, возле одной из стен гробницы известно в синхронных и подобных древнерусским камерных погребениях Скандинавии³⁹, а также, по крайней мере, в одном древнерусском (погребение № 17 на могильнике Берёзки под Черниговом)⁴⁰.

Неоднократно отмечалось наличие в языческих по общему характеру камерных погребениях отдельных христианских черт, к которым можем отнести упомянутые уже свечи, а также крестики-подвески. В Гнёздово, в частности, обнаружен крестик при воинском погребении с конём, датированном 70-ми годами X в.⁴¹ Последнее можем сопоставить с отмеченным многими вариантами былины наличием креста у «чудовища» Святогора.

Как видим, многие детали этой «мифологической», по мнению многих, былины выглядят вполне реалистично. Учитывая обособленность образа Святогора в былинной традиции и его двойственность (он и «дивный» великан, но всё-таки и «богатырь»), можно предположить, что представления о великанских размерах персонажа были отчасти навеяны эпизированными воспоминаниями о громадных размерах «богатырских гробов».

Впрочем, нетрудно предвидеть возражения, настаивающие на обратном соотношении: какие-то древние предания о таинственном богатыре великанского роста могли предопределить и громадные размеры его «гроба», сходство же с камерными гробницами может быть и случайным.

От описания гробницы вернёмся к самому Святогору. Для его характеристики, помимо размеров, существенны следующие черты:

1. О его подвигах и прошлых деяниях ничего не известно, по ходу сюжета он также не совершает каких-либо значительных действий.
2. Он не может жить (находиться) вне Святых гор, хотя всё же Илья Муромец обычно встречает его на пути к этому месту.
3. Он крайне инертен; во время встречи с Муромцем он изображается спящим в седле и почти не чувствует наносимых ему ударов.
4. Ото сна он пробуждается, лишь прибыв на Святые горы, и только здесь впервые замечает Илью, которого везёт с собой.

⁴¹Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Три погребальные камеры из Гнёздова. С. 198–204.

⁴²Польский священник Иоанн Менеций (XVI в.), наблюдая обычаи жителей на территории нынешней Белоруссии, засвидетельствовал доставку умершего к месту погребения верхом: «Покойника одетого и обутого садили на коня, как бы отправляя его в далёкий путь... труп сопровождали к могиле на конях с обнажёнными мечами...» (Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868. С. 146–149).

⁴³Пропп В. Я. Русский героический эпос. С. 77–78.

⁴⁴Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 46–226, 248–256.

5. Он неизбежно умирает в обоих сюжетах о нём. Его смерть предопределена уже заранее, предназначенный ему гроб ожидает его на его «родных» Святых горах.

Все эти черты, явно мало совместимые с богатырским «статусом» и великанской мощью, находят своё объяснение, если допустить, что Святогор есть не кто иной, как мертвец, находящийся на пути к месту последнего упокоения⁴². Правда, он изображается ещё как бы живым — спящим, но это обстоятельство, по-видимому, может быть объяснено, во-первых, эпической аллегорией, во-вторых, восходящими к языческой эпохе представлениями о том, что душа какое-то время остаётся в теле после того, как проявляются все внешние признаки физической смерти.

Умерший выдающийся воин, коим является былинный Святогор, по всей видимости, не носил этого имени при жизни, т. е. живого Святогора никогда не было. В противном случае, эпос непременно сообщил бы о его прежних деяниях. Образ Святогора, скорее, выглядит воплощением мертвеца как такового, безотносительно к его прижизненному прошлому. Само слово «святогор», по-видимому, является эвфемистическим обозначением умершего, в какой-то степени аналогичным современному «покойный». Как справедливо указывалось уже многими исследователями, оно явно производно от названия «Святые горы»⁴³ — места, которое не может покинуть богатырь-великан, дабы свободно ездить по земле («по Руси»).

Предложенная трактовка Святогора позволяет легко объяснить и понятие «Святые горы», за которым тщетно пытались увидеть какую-либо возвышенность от Карпат и Свентокшиских гор Польши до Урала и от Эстонии до Кавказа. Святые горы, где пребывает, не имея возможности их покинуть, «святогор», т. е. мертвец, покойник, не что иное, как языческий курганный могильник.

Сооружение курганов было повсеместным обычаем у восточных славян и в ранней Руси VIII—XI в.⁴⁴ Упомянутые камерные погребения практически исключительно подкурганны, причём некоторые из кур-

ганов могли достигать значительных размеров, что, следует полагать, и вызвало ассоциацию с горами⁴⁵.

В пользу предложенного истолкования может свидетельствует известный по ряду вариантов былины эпизод с ещё одним обитателем Святых гор — старым и слепым («древним да тёмным» — Гильф. № 1) отцом Святогора. Его навещают Илья и Святогор, перед тем как наехати на гроб, или же умирающий в гробу Святогор просит Илью отнести весточку от себя. Слепота является хорошо известным в фольклористике и этнографии указанием на потусторонность и связь с миром умерших. Посещение Ильёй отца Святогора хорошо согласуется с традицией поминать родственников покойного и посещать их могилы после (или во время) проведения погребального обряда.

Упомянутому былиной «рукопожатию» между отцом Святогора и Ильёй Муромцем сопутствует немалый фольклорный материал. Как помним, Илья протягивает старику булаву или кусок раскаленного железа, который тот принимает за руку богатыря. Подобный мотив встречается в сказках и легендах, в частности, именно так здоровается с посетителями пребывающий в подземелье замка Кронборг (и мыслящийся давно умершим) Хольгер Датчанин⁴⁶. По-видимому, подобное «опосредствованное» рукопожатие является отголоском какого-то ритуального действия спиритического характера, позволяющего установить связь с обитателем потустороннего мира и в то же время предохранить живых от его опасного воздействия.

Таким образом, «древний и тёмный» (т. е. давно умерший) старик, обитающий на Святых горах, находящаяся здесь же свежеизготовленная гробница являются вполне надёжными признаками, указывающими, что Святые горы — это подвергшийся художественному переосмыслению образ языческого могильника. Одновременно Святые

⁴⁵Этнографией хорошо засвидетельствованы случаи называния у восточных славян курганных могильников или отдельных курганов волотовками, волотовыми могилами, на Волотовом поле, согласно некоторым поздним летописным сводам, был погребен легендарный новгородский старейшина Гостомыса; в то же время народные поверья считают волотов или велетов древним народом великанов, заживо ушедшим в землю (см., в частности: Веселовский А. Мелкие заметки к былинам. XVIII // ЖМНП. Август, 1896. С. 244–248; Писаренко Ю. Г. Велес-Волос в язичницькому світогляді Давньої Русі. К., 1997. С. 59–64).

⁴⁶Скандинавская мифология. Энциклопедия / Под ред. К. Королева. М.; СПб., 2005. С. 400.

горы — место, словно выпадающее из обычного окружающего пространства, здесь возможны необычные явления, поэтому нет никакого противоречия в том, что мертвец Святогор, приехав сюда, «пробуждается» и обретает возможность видеть живого человека (Илью Муромца) и общаться с ним.

Сцена с отцом Святогора может указывать на то, что былина является своеобразным текстуальным воспроизведением системы ритуалов, в свою очередь моделирующих определённые мифологические мотивы и воззрения. На это же указывает ряд других подробностей былины.

Илья Муромец обычно встречает Святогора в тот момент, когда он движется по направлению к Святым горам и при этом спит в седле. Илья, подъехав, наносит великану удар (обычно это повторяется трижды), но Святогор не замечает этого или же принимает удары булавы или копья за падающие шишки, капли дождя, укусы мух и т. п. Уже Орест Миллер указал на сходство этого эпизода с фрагментом из Младшей Эдды⁴⁷, где бог грома Тор встречает на пути в страну великанов жителя этой страны Скрюмира и наносит спящему великану три удара своим молотом. Скрюмир принимает удары за падение листьев, желудей и веток с дерева⁴⁸.

Подобно тому как Святогор незаметно для себя захватывает с собой Илью и везёт на Святые горы, Скрюмир напрашивается в попутчики Тору, и они вместе приближаются к Утгарду (букв. «внешняя ограда») — месту, находящемуся на окраине мироздания (в дальнейшем оказывается, что правитель Утгарда и Скрюмир — одно лицо). В некоторых вариантах былины (Рыбн. № 52; Марков. № 61) встрече со Святогором предшествует сон Ильи в шатре с огромной кроватю. Пробуждает Илью «великий шум» — это приближается к шатру его спящий хозяин Святогор. Подобно этому, Тор останавливается на ночлег в домике, оказавшемся рукавицей Скрюмира, он пробуждается от грохота, вызываемого приближающимся вели-

⁴⁷Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. С. 170–171, 181.

⁴⁸Младшая Эдда / Перевод О. А. Смирницкой; под ред. М. И. Стеблин-Каменского. Л., 1970. С. 69–70.

каном, который вскоре также засыпает⁴⁹ (далее следует сцена с нанесением ударов).

Сходство двух эпизодов представляется несомненным. Оно неоднократно подчёркивалось исследователями, однако убедительного объяснения не получило. Обычно считается, что невосприимчивость Святогора и Скрюмира к богатырским ударам служит указанием на их необычайную мощь⁵⁰. Предложенная здесь трактовка Святогора позволяет предположить иной смысл этой сцены, который и объясняет природу появления сходных эпизодов в совершенно разных сюжетных контекстах.

Святогор, таким образом, является мертвецом, т. е. уже отчасти представителем «инога мира», который не может появляться в мире людей. Этим же обстоятельством, по-видимому, и должна объясняться его невосприимчивость к ударам Ильи. Точнее говоря, сцена с нанесением богатырских ударов, принимаемых за комариные укусы, должна была некогда намекать слушателю на «потусторонность» Святогора.

Скрюмир — обитатель страны великанов, которая имеет чёткую обособленность в системе скандинавского мифологического мироздания, подразделяемого на удел богов (Астард), удел людей (Мидгард) и «внешний удел», где живут великаны, тролли и находится Хель, обиталище умерших⁵¹. Переход из одной части мира в другую крайне непрост и для обычных людей практически невозможен. Можно предположить, таким образом, что невосприимчивость Скрюмира к ударам Тора первоначально должна была указывать на принадлежность великана к той части мира, где пребывают умершие, хотя по каким-то неизвестным причинам он, судя по контексту, временно оказался в «здешнем мире» — мире людей.

В обоих случаях мы, следовательно, имеем дело с преодолением пограничья между миром людей (миром живых) и миром мёртвых, он

⁴⁹ Там же. С. 67–68.

⁵⁰Объяснение это едва ли удачно: в других случаях Тор побеждает своим молотом целые полчища великанов, Илья же легко вырывает или разбивает кряжистые дубы. И первый и второй явно не ожидают подобной «сдержанной» реакции от великана.

⁵¹Хлезов А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб., 2002. С. 145–155.

⁵²Ограниченность места не позволяет здесь развернуть необходимую аргументацию. См. мою статью: Конча С. «Весілля на Святих горах» (до витоків биліни про Святогора) // Магістеріум. Київ, 2009. Вип. 36: Археологічні студії. С. 61–65.

же — мир великанов. Следует думать, вся сцена с засыпанием в великанском шатре или великанской рукавице, нанесением ударов отображает представления о явлениях, сопровождающих встречу представителей разных миров в пограничной области. Но если «Эдда» прямо передает миф, то в былине мы сталкиваемся лишь с отдельными его отголосками. Фантастическое и реалистическое в былине причудливо смешаны. Святогор, обладая явными признаками мёртвого «богатыря» (представителя военной знати), мыслится в то же время сказочным великаном, его жизнь (пребывание) на Святых горах и смерть (умирание) на Святых горах выглядят как две стороны одного и того же. Объясняет эту двойственность, по-видимому, то, что в былине элементы мифа переплетены с элементами описания погребального ритуала, наблюдаемого воочию.

В контекст воспроизводимого былиной погребального ритуала вполне органично вписывается и мотив «неверной жены» Святогора. Особенности ее поведения, «измена» мужу с Ильёй, внезапная смерть находят своё объяснение при сравнении фрагментов соответствующих вариантов былины с описанием похорон знатного руса у Ибн-Фадлана, где значительное внимание уделено обряду посмертной свадьбы и умерщвления молодой девушки, пожелавшей стать подружкой умершего в загробном мире⁵².

Можно сказать, таким образом, что былина возникла как текстуральное воспроизведение ритуала погребения, вобравшего элементы мифологических воззрений на обстоятельства перехода между мирами живых и мёртвых и связи между их представителями.

Следующий вопрос, который встаёт перед нами, — это вопрос о том, какова роль в данном сюжете-ритуале Ильи Муромца и почему из всех былинных богатырей ему одному выпадает встреча со Святогором.

Можно предположить, что прототипом Муромца в данном сюжете является распорядитель ритуала, языческий жрец, или (если исходить из аналогий с текстами Ибн-Фадлана) родственник умершего. Но в чём тогда может заключаться смысл братания между ним и Святогором? Почему Илья ложится первым в гроб, зачем он поглощает пену Святогора, которая заключает в себе угрозу?

Многие варианты былины указывают на то, что сила, которую Святогор стремится передать Илье, таит в себе смертельную опасность для него: «Говорит Святогор: “Припади, Илья, во второй раз”. Не припал Илья к гробовой доске. Тогда бы Илью силой разорвало (БП. Т. 1. № 4–5). Говорит Илья да таковы слова: / «Мни твоей силушки не надобно, [...] / Если силушки у меня да прибавится, / Меня не будет носить да мать сыра-земля» (БПК. № 4).

Промолвил тут Святогор-богатырь: «Хорошо ты сделал, меньший брат, что не послушал моего последнего наказа: ядохнул бы на тебя мёртвым духом, и ты бы лёг мёртвым подле меня» (Рыбн. № 52).

Но существуют также варианты (прозаические пересказы) этого сюжета, где Илья действительно умирает возле гробницы Святогора:

Илья Муромец... стал к коню подходить, взялся за седло, взял ногу в стремя — тут Илья и конь оба околели. Тут и кончились они — Илья и Святогор (Сидельников. № 40).

Тогда распростился Ильюшенька с Егором-Златогором, немножко отъехал — и окаменел на коне — ходу не стало. Господь ему не попустил. А Егор-Златогор окаменел в гробу⁵³.

— Ну, наверно это моя смерть, уж коль умер Святогор-богатырь, то, наверно, и я умру. — И он сошёл с коня, привязал к гробу, зашёл в гроб, крышка закрылась и Илья кончилсе⁵⁴.

Иногда за смертью Святогора следует известный эпизод с роковой сумочкой, безуспешно поднимаемой на этот раз Ильёй:

Илья Муромец со своего коня хотел достать с полу котомочку, котомочка даже с места не тронулась, и в это время Илья ослаб до неузнаваемости, и старик стал перед ним невидим. Илья Муромец умер на этом месте» (Сидельников. № 100).

⁵³ Зеленин Д. К. Великорусские сказки Пермской губернии. Изд. 2-е. СПб., 1997. № 48.

⁵⁴ Сказки М. М. Коргуева. Записи и комментарий А. Н. Нечаева. Петрозаводск, 1939. Кн. 1. № 39. С. 224

⁵⁵ Астахова А. М. Сказки о богатырях былинного эпоса // РФ. 1961. Вып. VI. С. 162.

⁵⁶ Блафельд Д. І. Давньоруський моги́льник в Чернігові. С. 134–135; Моця О. П. Поховання скандинавів на Півдні Київської Русі // Археологія. 1990. № 4. С. 92.

⁵⁷ Ковалевский А. П. Книга Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 143.

В пересказе, записанном в Ленинградской области, Илья, похоронив Святогора, обнаруживает неподалеку ещё несколько гробов, он их по очереди примеряет и умирает в одном из них⁵⁵.

В сибирском пересказе (Сидельников. № 62) Илья после смерти Святогора оказывается в прекрасном дворце, где живут «двенадцать бессмертных девиц-красавиц», потом он внезапно решает навещать родных в Муроме и на обратном пути умирает.

Как видим, между смертью Святогора и смертью Ильи существует некая связь. Можно предполагать, что некогда указания на смерть Ильи у гроба Святогора были более распространены, но сказители по разным причинам избегали их, переводя это указание в высказываемую угрозу, как мы это видели в варианте П. Рыбникова (№ 52) и как это ощущается ещё в ряде вариантов.

В большинстве известных записей Илья поглощает дух (пену), выходящий сквозь щели гроба, и этот дух порождает в нём излишнюю и опасную для него силу, которую приходится укрощать, выкорчёвывая деревья (ср.: БМ. Т. III. № 1–4, 66). Некоторые варианты говорят, что, выпив «пены Святогора», Илья станет таким же сильным, как тот, и будет, как и он, «ездить по Святым горам» (Гильф. № 273; Сидельников. № 118), в чём, конечно же, следует видеть намёк на близкую смерть.

В части приведённых фрагментов внимание акцентируется на том, что смерть настигает Илью одновременно с его конём. Последнее обстоятельство заставляет вновь обратиться к упоминаемому выше камерному погребению в Берёзках под Черниговом. Здесь между стеной погребальной камеры и краем ямы были обнаружены скелеты двух коней, один из которых был взнузданным. Вместе с останками коней находились также останки человека; по всей вероятности, захороненный вне камеры мужчина был слугой умершего знатного воина или младшим дружинником, сопровождающим в последний путь старшего сотоварища или военачальника⁵⁶. В подтверждение сказанного можно вспомнить слова Ибн-Фадлана из описания похорон руса: «И тогда спрашивают кого-то из сопровождающих его юношей и девушек: “Кто из вас умрёт вместе с ним?” И большинство соглашающихся девушки»⁵⁷. Последнее хорошо подтверждается ар-

хеологическими данными, но из самой постановки вопроса следует, что в роли «соумирающих» бывали и мужчины — рабы или «отроки» из младшей дружины.

Картина ритуала, запечатлённая берёзкинским погребением, вполне сопоставима, как видим, с указаниями вариантов былины: тело погребённого в гробнице-камере (= Святогор), рядом вне камеры два коня (= конь Святогора и конь Ильи) и сопровождающий их человек (= Илья).

Таким образом, есть основания полагать, что былинные упоминания о смерти Ильи у гроба Святогора не случайны — по всей видимости, он, как «младший брат», сопровождает «большого брата» в загробный мир. Преодоление Ильёй «пограничья», братание со Святогором, примерка гроба, видимо, должны выражать его готовность к «соумиранию».

Но почему Илья Муромец — великий и славный богатырь, центральный герой былинного эпоса — оказывается в роли «соумирающего отрока», «меньшого брата», сопровождающего в последний путь какого-то странного великана, о достижениях которого ничего неизвестно?

Возможно, ответ на этот вопрос могут дать этнографически засвидетельствованные у разных народов Восточной Европы похоронные и поминальные ритуалы, во время которых один из присутствующих

⁵⁸Еремина В. И. Обряд соумирания в фольклорной и литературной традициях // РФ. М., 1984. Вып. XXIV. С. 74–77.

⁵⁹Естественно, что в дошедших до нас текстах сказители уже не осознавали этого.

⁶⁰Ср. элементы имитации «соумирания», прослеживаемые в недавно еще живых обычаях (Еремина В. И. Обряд соумирания в фольклорной и литературной традициях. С. 73).

⁶¹То, что былинный Муромец должен был иметь реального прототипа (как имеют их Владимир, Добрыня, вероятно, Алеша Попович, Апраксия и многие другие), признается многими исследователями. Однако все попытки определить время жизни «исторического Ильи Муромца» (Миллер В. Ф. Очерки истории русской народной словесности. Т. III. С. 82–89; Лихачев Д. С. Народное поэтическое творчество времен расцвета древнерусского раннефеодального государства (X–XI вв.). С. 226–228; Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. С. 72–75; Аникин П. В. Русский богатырский эпос. С. 84–112) нельзя признать убедительными. Поскольку Илья неразрывно связан с сюжетом о смерти Святогора, надо думать, эта связь является изначальной. Предлагаемая здесь расшифровка сюжета может свидетельствовать о том, что исторический прототип центрального героя русского эпоса жил и умер еще до принятия Русью христианства.

⁶²Песни собранные П. В. Киреевским. М., 1860. Т. 1. Прил. С. XXXIV; Соколов. № 196 (С. 714–715). Подобную же ситуацию см.: Астахова А. М. Сказки о богатырях былинного эпоса. С. 162 (ср.: Миллер О. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869. С. 247).

⁶³Многие записи вариантов былины остаются неопубликованными.

играет роль умершего и называется его прижизненным именем, тогда как сам покойный обозначается иносказательно⁵⁸.

Последнее вполне согласуется с нашим случаем, где, как мы уже видели, термин «святогор» является иносказательным обозначением погребённого (или погребаемого). Следовательно,

вполне вероятно, что персонаж, выступающий в данном сюжете под именем Ильи, являлся в воспроизводимом былиной ритуале как бы «заместителем» покойного⁵⁹. Вероятно, этот ритуальный заместитель был обречён, как того требовал обычай, умереть и быть погребённым вместе со знаменитым героем.

В то же время возможно, что менее суровый финал большинства былинных вариантов, где Илья оставлен в живых, вовсе не результат позднейшего переосмысления: несомненно, в каких-то случаях «соумирание» могло лишь символически разыгрываться, имитироваться⁶⁰.

Мы подходим, таким образом, к парадоксальному, на первый взгляд, выводу: загадочный великан-богатырь «Святогор» может оказаться не кем иным, как умершим Ильёй Муромцем!⁶¹ Данный вывод может показаться слишком умозрительным, однако в его пользу можно привести варианты фактически того же сюжета, где Илья Муромец умирает в роковом гробу точно так же, как умирает Святогор⁶². Имя последнего при этом не упоминается. Та роль, которую обычно играет Илья в былине о Святогоре, достается или его не названному по имени «товарищу», или же обычным былинным побратимам Ильи — Алёше и Добрыне, которые поочерёдно примеряют гроб, пытаются разбить налетающие на него обручи. Хотя варианты, где Илья выступает в роли Святогора, единичны, прочие былинные герои в подобной ситуации не оказываются никогда, что может указывать на неслучайность замены Святогора Ильёй.

Впрочем, не могу настаивать на последнем истолковании. Многие аспекты взаимоотношений Ильи и Святогора остаются неясными и требуют сравнительного анализа максимально полного числа вариантов былины⁶³ при сопоставлении их с этнографически известными

погребальными обычаями, лишь поверхностно затронутыми здесь. Вполне вероятно, что в былине отобразилась память не о единичном случае смерти и погребения какого-то выдающегося деятеля, но о целой традиции воинских погребений в камерных гробницах, бытовавшей на Руси около ста лет. Нельзя исключать, что разные варианты былины соотносятся с разновидностями обряда: 1) погребение с конем, 2) погребение с женщиной, 3) погребение со слугой и конями (вне камеры), 4) погребение, в ходе которого слуга (побратим) умершего лишь имитировал «соумирание».

Возвращаясь теперь к вопросу об историзме в былинах, следует особо подчеркнуть, что варианты эпического текста сохранили довольно реалистичное описание камерной гробницы X в. Как видно из приведённых археологических, этнографических, исторических аналогий, былина достаточно подробно и, по всей вероятности, достоверно воспроизводит многие аспекты ритуала, сопровождавшего погребение знатного воина в дохристианской Руси.

Вместе с тем в былине часто как бы отсутствует различие реалистического и фантастического: в образе Святогора легко угадываются черты умершего человека, но при этом он характеризуется как могучий великан из потустороннего мира. Вероятно, подобное различие не следует относить на счёт позднейших переосмыслений и контаминаций, оно вполне может отражать особенности восприятия действительности, современные созданию былины.

Рассмотренный здесь культурно-исторический контекст возникновения былины позволяет предполагать, что её основа должна была сложиться не позднее конца X в.

Список сокращений:

Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г. Изд. 4-е. М.; Л., 1949—1951. Т. I—III.

Григ. — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. I; Прага, 1939. Т. II; СПб., 1910. Т. III.

Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958.

Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 3-е. Петрозаводск, 1989–1990. Т. I–II.

Марков — Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901.

БП — Былины Печоры / Былины в 25 т. Под ред. А. А. Горелова. СПб.; М., 2001. Т. I–II.

БМ — Былины Мезени / Былины в 25 т. Под ред. А. А. Горелова. СПб.; М., 2003–2005. Т. III–V.

БПК — Былины Пудожского края / Сост. Г. Н. Парилова, А. Д. Соимонов. Петрозаводск, 1941.

Соколов — Онежские былины / Сост. Ю. М. Соколов, В. И. Чичеров. М., 1948.

Сидельников — Былины Сибири / Сост. В. Сидельников. Томск, 1968